

ЛИНГВОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВОСПРИЯТИЕ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В МОСКВЕ 2024 ГОДА

Е. Р. Добрушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ),
Россия, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б
Поступила в редакцию 10.03.2024 г.
Принята к публикации 15.06.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-7

Изложены результаты исследования отношения к ненормативной лексике москвичей 1962 – 2011 годов рождения из семей с высшим образованием. Рассматривается понимание респондентами слова «мат», их отношение к социальному запрету на употребление ненормативной лексики, их оценка регулярности и целей ее использования в собственной речи и оценка изменения своей лояльности к ней в разные периоды жизни.

Исследование выполнено на основе анализа 20 интервью и 182 ответов на подробный опросник. Предложен краткий обзор понимания термина «мат» немногочисленными авторами научных исследований и словарей, а также собственное определение термина, содержащее описание отличий матерной лексики от остальной обсценной. Дается часть статистики предварительного анализа опросника. Так, оценивают себя как никогда или несколько раз в жизни произносивших матерные слова (не в рамках цитирования) 26 %, из них никогда – 23 респондента. Считают себя использующими мат часто 14 %; 60 % применяют его изредка или в определенной компании. Многие пользователи мата считают, что не пользующихся им не существует, но с напряжением относятся к тем, кто заполняет им паузы. При детях могут использовать мат 35 % респондентов, при этом при чужих ограничивают себя на 10 % больше лиц, чем при своих. Соотношение желающих запретить мат строго / запретить в некоторых ситуациях / разрешить свободно – 14 % / 44 % / 17 %.

В качестве вывода приведено описание характерной, на взгляд автора, современной модели восприятия мата: нечастое исключительно устное использование в одиночестве или при близких людях любого пола, но не при детях; в непрямом значении, без инвективности; в двух целях – для психологической разрядки и для выразительности речи и развлечения.

Ключевые слова: русский язык, обсценная лексика, ругательства, экспрессивные слова, лингвосоциология, корпусная лингвистика

1. Постановка проблемы и методы исследования

Занимаясь проблемами разных типов грамматической анормативности, так или иначе порожденных языковой системой, и проблемами диахронического описания молодежного интернет-жаргона, я заинтересовалась словом *маты* в значении *матерные слова*. Примеры типа *Не навизижу маты!* в 2022 – 2023 годах стали заметно чаще, чем раньше, появ-

ляться в речи старшеклассников, студентов, даже журналистов. Например, в научно-популярной книге об этимологии обценной лексики журналист С. Антонов неоднократно использует термин «матерная лексика», но в финальном разделе, то ли не уследив, то ли нарушив стиль ради шутки, пишет: ...*закрывать глаза и делать вид, что никаких матов на самом деле нет...* (Антонов, 2024, с. 267). Интерес к диахронии и к оценке носителями нормативного статуса формы *маты* заставил меня добавить пару вопросов к стандартной программе интервью о восприятии и использовании жаргона. Тут выяснилось, что трактовка слова *мат* у упомянутого поколения может быть совершенно неожиданной для меня. Так, информант 2006 года рождения, одиннадцатиклассник из хорошей школы, к моменту разговора со мной был уверен, что слово *дебил* относится к матерной лексике, является очень непристойным и самим фактом произнесения может обидеть, например, меня.

Это и некоторые другие открытия привели меня к вопросу о современном восприятии понятия *мат*. Этот вопрос был исследован мною сначала на базе интервью с информантами разных поколений. Отмечу, что метод интервью для изучения языкового сознания представляется очень эффективным и недооцененным в лингвистике. Проведя около 20 интервью¹, я обнаружила, что вижу несколько обобщенных типов носителей языка с разным восприятием мата, один из которых, по всей видимости, характерен именно для нашего времени. Будучи убежденной в необходимости лингвистической фиксации состояния языка в разных его проявлениях на каждом этапе, я попыталась проверить сложившуюся картину, и для этого был составлен довольно емкий, на мой взгляд, опросник и получено около 180 ответов². Информантами в основном были москвичи разных возрастов из семей с высшим образованием³. Помимо социолингвистической методики, будет применяться корпусный лингвистический анализ. Совсем недавно создан Корпус социальных сетей Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ-СС), он содержит огромный материал, что позволяет исследовать современную устно-письменную речь Рунета, в том числе ненормативную лексику.

Итак, цель работы — фиксация полученной в феврале 2024 года из интервью, опросника и НКРЯ информации о месте матерной лексики в

¹ Вопросы о мате (количеством два) встречались в интервью наряду с вопросами о словах типа *ЧСВ, чиллить, хайп, абьюзер* и др.

² Опросник распространялся в трех чуть различающихся вариантах: 23 вопроса для взрослых нефилологов, 24 для филологов и 21 для подростков. Ответы получены от 137 нефилологов 1956–2007 г. р., от 33 филологов (включая студентов) 1956–2006 г. р., от 12 подростков 2008–2011 г. р. Опросник объемён, на данный момент обработан не до конца, и здесь будет описываться лишь часть содержащихся в нем данных. Результаты опроса и интервью не объединяются, статистика приводится только для опроса.

³ Сравнивать представителей разных областей России и разных социальных кругов я на данном этапе не готова, мне хотелось получить хоть сколько-то систематизированную, обобщенную и подтвержденную данными картину для одного социального среза.

современном речевом обиходе. В первую очередь будут описаны взгляды исследователей и носителей языка на границы понятия «мат»; взгляды носителей на то, используют ли они мат и зачем и нужен ли соответствующий социальный запрет; также обсуждается вопрос о том, есть ли различия применения мата в устной и «устно-письменной» речи; в конце речь пойдет о ненормативной форме *маты*. В качестве заключения будет приведена зарисовка одной модели характерного для современности восприятия мата.

2. Границы понятия «мат»

Понятие «мат» существует в русистике без общепринятого лингвистического определения. В словарях нет толкования точнее, чем «неприличная брань» (Ожегов, Шведова). Лингвисты определяют (как правило, задавая списками) нецензурное, обценное, пейоративное, но не матерное. Так, в словаре (Василий Буй, 2005) перечислены восемь лексем, но нет ни слова о принципах их отбора и называются они *бранные* или *обценные*, а слово *мат* почти не используется — авторы в нем не нуждаются.

Обобщая, выделю в научной литературе следующие четыре приема обращения с понятиями «матерная лексика», «мат».

1) Матерными считают три лексемы и образованные от них. В прямом значении они называют: (1) мужской орган (далее «лексема 1»), (2) женский («лексема 2»), (3) действие («лексема 3»)⁴. Так, о «трех общеизвестных матерных корнях» говорит Ю. И. Левин (1998, с. 809); «основные “три кита” русского мата» — формулировка В. М. Мокиенко (1994). Определения термина «мат» эти исследователи не предлагают, понимая его шире, чем лексемы от трех корней (см. прием 4).

2) К трем перечисленным лексемам добавляют четвертую: существительное женского рода, обозначающее лицо (далее «лексема 4»). О традиционности понимания под матом экспрессивного ядра обценной лексики, состоящего из четырех лексем, говорит, например, А. Плутцер-Сарно (2005, с. 77). Важно, что именно таков перечень нецензурных слов в рекомендациях по применению поправок в Закон о СМИ и Административный кодекс РФ. Рекомендации были приняты в апреле 2013 года на основе мнения экспертной комиссии при Роскомнадзоре, к работе которой были привлечены специалисты ИРЯ РАН им. Виноградова. В рекомендациях используется термин «нецензурные», а слово «мат» появляется в декабре 2013 года в интервью об этих рекомендациях, данном сотрудником Роскомнадзора. В. Ампелонский, пресс-секре-

⁴ Прошу прощения у читателей, которые, возможно, сочтут это чрезмерным пурризмом, свойственным обывательскому сознанию (см., напр.: Руднев, 2005, с. 30), но из уважения к институту Православия, считающего реализацию обсуждаемой лексики неприемлемой, и сочувствия к тем носителям языка, кому зрительный облик матерных лексем неприятен (а таких, как показал опрос, немало), обойдусь без какого-либо прописывания в данной статье лексем с четырьмя ядерными корнями, заменяя их эвфемизмами вида «лексема / корень 1».

тарь Роскомнадзора, в выступлениях и журналистских публикациях на эту тему использует термины «нецензурное» и «мат» как синонимы, противопоставляя им «грубые, просторечные слова и выражения» как не подлежащие цензурированию. Представление Роскомнадзора применяется для определения границ мата в научно-популярных книгах, написанных журналистами (напр.: Антонов, 2024, с. 264).

3) Матом считают разнообразную обсценную лексику, ядро которой составляют три или четыре обозначенных выше корня, а границы размыты. Так, А. Плущер-Сарно пишет: «...мы условно понимаем под “матом” целый пласт экспрессивной обсценной лексики, однако мы не будем пытаться выделить какие-либо объективные критерии ее отбора для нашей базы данных, поскольку мат — понятие условное». И далее ранжированно перечисляет 35 лексем, называемых матерными «рядовыми носителями языка», из которых выделяет первые семь, называемые наиболее часто, а затем предлагает «условно» применять термин «мат» к первым 12 из 35 единиц списка, так как они составляют «наиболее экспрессивное ядро непристойной лексики» (Плущер-Сарно, 2005, с. 77–78)⁵.

4) Многие исследователи избегают перечня или определения «матерных лексем», не разделяя обсценное на матерное и нет и не обсуждая тактику выделения описываемой лексики. При этом три или четыре лексемы как ядро обсценного иногда упоминаются. Так, В. М. Мокиенко (1994) выделяет обсценную и бранную лексику — первая более табуирована, чем вторая, — а далее описывает пять лексико-тематических групп обсценно-бранной лексики, среди прочих включая в них образования от четырех ключевых корней, но не уточняя, как входящие в группы единицы соотносятся с понятием «мат» и используя его далее без определения. Б. А. Успенский в заглавиях статей (1981; 2018) говорит об «экспрессивной фразеологии», а в тексте использует слова «мат» и «матерщина», не давая определений, описаний или перечней, как бы считая набор обсуждаемых единиц очевидным⁶. В. И. Беликов (2006) описывает два эксперимента, рассматривающих восприятие табуированной лексики; в первый опросник включены девять корней, во второй — 69 лексем, из которых 20 образованы от четырех ядерных. При этом критерии выделения единиц не обсуждаются.

Здесь матерными будут считаться четыре пронумерованные лексеммы, то есть выбрана точка зрения экспертной комиссии Роскомнадзора.

⁵ Ярким свидетельством отсутствия объективных критериев для классификации русских слов по рангам обсценности оказывается то, что одна из восьми «обсценных лексем» из (Василий Буй, 2005) не попала в 35 лексем, называемых матерными «рядовыми носителями языка» по данным опроса из (Плущер-Сарно, 2005), а три из восьми заняли в этом ранжированном списке 13-ю, 27-ю и 28-ю позицию, то есть не вошли в 12 лексем «условного мата», которые выделил Плущер-Сарно.

⁶ Для Б. А. Успенского, описывающего древний сакральный аспект фразеологии, матом в первую очередь является одно трехсловное словосочетание с *мать*, возглавляемое «лексемой 3», но и другие единицы он, регулярно используя термин «матерщина», тоже, видимо, подразумевает.

Я, с позиции лингвиста, не могу согласиться с тем, что мат — «условное понятие», «вопрос восприятия тех или иных слов носителем языка» (Плущер-Сарно, 2005, с. 77). Предлагаю определение. Мат — это набор лексем, образованных от четырех конкретных корней, и фразеология с этими лексемами; входящие в него единицы имеют свойства, в своей совокупности отличающие матерные лексемы от остальной обсценной лексики, а именно: (1) безусловная трактовка их как матерных и филологами, и нефилологами; (2) безусловное осознание их как табуированных всеми носителями литературного языка, в том числе регулярно их использующими; (3) существенно большая частотность в разговорной речи, чем у остальных обсценных; (4) существенно больший словообразовательный, метафорический и фразеологический потенциал; (5) существенно больший и пополняемый набор единиц, являющихся их эвфемизмами; (6) существенно большая частотность их эвфемизмов; (7) регулярное более частотное использование в качестве частиц и междометий; (8) существенно большее применение в языковой игре; (9) большая значимость для разнообразных вариантов социального и культурного самоопределения носителей русского языка. Такое определение, строго говоря, нуждается в доказательстве статистическими данными, и, возможно, когда-нибудь они будут кем-либо приведены. Пока же обращаюсь к опросу, подтверждающему положения (1) и (2).

На Вопрос-18 «Перечислите известные Вам матерные слова (если есть несколько образованных от одного корня, достаточно указать одно любое из всей группы однокоренных)» ответили 140 информантов. Из них:

1) перечислили четыре базовых корня без добавочных — 24 %⁷ (33 информанта); перечислили четыре базовых корня и добавили к ним еще несколько слов с другими корнями — 34 % (47);

2) перечислили три базовых корня — 13 % (18) (не хватает «корня 2» — 4 случая, «корня 3» — 8, «корня 4» — 8). Перечислили три базовых корня и добавили к ним еще несколько — 15 (не хватает «корня 2» — 3, «корня 3» — 5, «корня 4» — 7)⁸. Разумеется, чаще корень отсутствует не потому, что его не трактуют как матерный, и не потому, что не знают, а просто его не вспомнили, и все же 15 потерь «корня 4» и 13 потерь «корня 3» свидетельствуют, что они на периферии осознания мата, а для кого-то, возможно, «корень 4» не матерный, как не входит он в «три кита» для Ю.И. Левина и В.М. Мокиенко. Состав часто приводимых

⁷ Здесь и далее в скобках количество информантов; проценты округляются; следует понимать, что числа дают лишь приблизительную картину (информанты могут не понять вопрос, не то нажать, неверно оценить себя и др.). Но, имея большой опыт корпусной языковой статистики, я уверена, что и неточные, и очень малые числа при разумном подсчете отражают реальную картину.

⁸ «Корень 1» перечисляют всегда, и тут информация не совсем достоверна по моей вине: была использована неудачная формулировка вопроса: «Перечислите известные Вам матерные слова (если есть несколько образованных от одного корня, достаточно указать одно любое из всей группы однокоренных). При желании (не обязательно), можно маскировать слова любым способом, например, "х..."». Неудача в том, что «корень 1» был введен, то есть не получилось чистого эксперимента.

добавочных слов (прошу прощения за эвфемизмы): созвучное с «чудак» слово названо 29 раз, самка собаки — 16, старославянская буква — 11. Отмечу, что слова тематической области «испражнения» перечислил лишь один информант, значит, этот тип лексики устойчиво не ассоциируется у информантов с матерной;

3) перечислили два базовых корня 3 информанта, не вспомнены во всех случаях второй и третий, то есть менее частотные;

4) сформулировали нежелание отвечать или ничего не назвали 17% (24). Тут три основных варианта: нет ответа либо потому, что отвечать неприятно (7, напр.: «*Не хочу об этом думать, тем более писать*»; «*Вот даже в научных целях неприятно вынимать эти знания из глубин памяти. Пусть остаются там*»; «*я не знаю матерных слов я культурный вы что*»); либо потому, что вопрос бессмысленный (а отвечать, видимо, неприятно) (2, напр.: «*Не буду перечислять, потому что в этом опросе такой вопрос кажется неуместным*»); либо потому, что точно знают все слова, или потому, что слов слишком много (13, напр.: «*мне 52 года, я знаю, наверное, все, в том числе составные*», «*жизнь слишком коротка*»). Скорее удачно, что формулировка вопроса не проясняла информантам основную его цель — узнать, что они считают матерным, а что нет; видимо, многие решили, что проверяют их осведомленность, поэтому не задумывались над проблемой трактовки понятия и давали естественные ответы. Некоторые информанты пишут, что опрос помог им осознать неопределенность понятия; надеюсь, этот раздел им поможет:

● *Когда я ответила на все вопросы, захотелось найти определение матерного слова⁹.*

Назвали слова, находящиеся за рамками четырех корней, 62 информанта, не назвали — 51, это свидетельствует о размытости представлений носителей языка о составе категории, но не о ее размытости для лингвистики. Устойчивое выделение четырех базовых корней (80 информантов из 116, то есть 69%) свидетельствует о реальности свойств (1) и (2) из данного выше определения мата.

3. Пользователи и непользователи матерной лексики

В публицистических и научных книгах о мате и в репликах информантов высказывается представление о том, что мат в современном русском мире используют все.

Журналист С. Антонов пишет: «Ведь, наверное, даже самый вежливый и грамотный человек хотя бы у себя в голове время от времени возьмет да и выругается» (2024, с. 267), культуролог В. Жельвис называет научно-популярную книгу «Матерятся все?!» (2022). Высказывание информантов:

● *он у нас в крови.*

● *Ну и, если честно, я с трудом представляю себе людей, говорящих что-то кроме «лексема 4"!», когда им на ногу падает утюг.))*

⁹ Знаком ● будут помечены «свободные» высказывания о мате информантов опросника. Возможность таких высказываний была предоставлена трижды — в начале, середине и конце опроса. Основные неудачи орфографии и пунктуации исправлены.

Между тем и опросник, и интервью показывают, что не используют мат многие информанты. Вопрос-4 был сформулирован так: «Используете ли Вы матерную лексику устно в повседневной речи при коммуникации (от своего имени, а НЕ в рамках цитирования, пересказа или лингвистического обсуждения)?»¹⁰. Из 182 человек оценивают себя как не более нескольких раз в жизни произносивших матерные слова 26 % (47 информантов), из них никогда — 13 % (23). Считают себя использующими мат часто 14 % (25); 60 % (109) применяют его изредка или в определенной компании.

Вот высказывание информанта, который просто вскрикивает, уронив утюг, и произносил матерные слова не более нескольких раз в жизни; мата у него «в крови» нет; стоит заметить, что общается он в использующей мат компании:

• *Мне не очень важно кто и как ее использует. Я ее не использую потому что нет привычки и потому что это прикольное свойство человека — не ругаться матом.*

Конечно, самооценка «Никогда» относительна: например, одна информантка выбрала этот ответ, а далее указала, что чаще всего произносимое матерное слово «Лексема 4» в редуцированном виде и что использует мат «В машине». (Подобный комплект я слышала от многих интервьюируемых.) Думаю, что информантка по мере заполнения опросника осознала, что «Никогда» было немного поспешным.

Просьба оценить частоту своего использования мата контролировалась предварительным Вопросом-3: «Если в пустой квартире в закрытой темной комнате Вы роняете себе на ногу утюг, что Вы, скорее всего, скажете? (Выберите любое количество ответов.)» Результаты для 182 информантов, многие из которых выбирали несколько вариантов:

- (1) Матерное слово или слова — 53 % (97).
- (2) Просто вскрикну или издам стон без слов — 37 % (67).
- (3) *Ой, мама!* (Или что-то похожее.) — 11 % (20).
- (4) *Черт!* (Или что-то похожее.) — 26 % (47).
- (5) *Господи, помилуй!* (Или что-то похожее.) — 4 % (8).
- (6) Другой вариант: вписали матерный эвфемизм — 10 % (18).

Интересные варианты «другого», свидетельствующие о серьезном подходе информантов: «*В начале просто вскрикну, а потом, когда немного пройдет боль, выскажу утюгу матом все, что о нем думаю*»; «*Сначала слово, похожее на мат, а потом последний вариант*» (последний — *Господи, помилуй!*); «*“БЛИ-И-И-И-ИН!!!” или “СОБАКА!”*».

Итак, в ситуации, когда мат нужен для эмоциональной разрядки, что часто считается его основной современной функцией, и при этом

¹⁰ Вопрос о способности / неспособности информантов использовать матерные слова, цитируя литературу или рассказывая анекдоты, задан не был, и это, безусловно, упущение. Среди свободных высказываний информантов есть два о том, что они готовы принимать и произносить матерные слова только в анекдотах.

нет социального контроля, его используют около 50 % информантов. Это заставляет поверить рефлексии 26 % (47 информантов), использовавших мат несколько раз в жизни. Есть зазор между 47 % тех, кто «обругал утюг», и теми, кто использует мат регулярно (74 %). Какова его функция для этих 27 % информантов, идентифицирующих себя как использующих мат регулярно, но не использующих его в ситуации «утюг»? Утюг падает нерегулярно? Или же представление о том, что мат для тебя в первую очередь игра и форма общения, для одной пятой информантов оказывается принятием желательного за действительное?

Конечно, выборка охватывает образованных людей, обладающих самоконтролем и вписанных в социум. К тому же в ней больше, чем в обществе в среднем, верующих и воцерковленных, так как часть информантов — студенты и преподаватели православного вуза (опросник анонимный, но уверена, что студентов ПСТГУ среди ответивших не более 20 %). Зато другая часть — игроки в спортивный бридж (наверное, 20–30 %), это люди умные, развитые, но привыкшие к агрессивной конкурентности. И вот здесь мне хочется позволить себе ненаучное рассуждение. Допущу (надеюсь, гиперболизируя), что русские люди в мире в целом в 100 раз грубее опрошенных образованных столичных жителей. Тогда среди них 0,26 % не ругающихся чаще нескольких раз в жизни и 0,13 % не ругающихся никогда. Пусть (очень приблизительно, но точно без завышения) русских в мире 120 млн, из них примерно 100 млн старше 12 лет. Тогда сейчас существует 260 тысяч практически не ругающихся, а из них 130 тысяч — не произнесших матерного слова вне цитаты ни разу в жизни. Уверена, что это заниженные показатели, и все же их достаточно для доказательства того, что не всегда мат «у нас в крови» или «на подкорке».

Специалист по культуре речи Н.Ю. Панова, ссылаясь на научно-популярную психологическую статью, пишет: «...люди, которые никогда не ругаются матом, — это люди особого душевного склада и происхождения. Это, как правило, люди, принадлежащие к благородным семьям, в которых столетиями вырабатывался свой стиль общения и традиции. Это не только вопрос природы “аристократической” крови, это особая структура сознания. Но таких людей не очень много» (Панова, 2008, с. 150). Не очень много? 13 % и даже 0,13 % — это не так уж мало. Я точно знаю, что такие люди существуют и не являются в чем-либо необычными. Я проводила с ними интервью, и да, я знаю о себе, что у меня в голове мата в такой форме, чтобы на нем думать, нет и никогда не было. Люди из 13 % не ругаются «на утюг» и даже на обидчиков по простой причине: в их языковом сознании выражение эмоций / личной агрессии или название органов тела не сцеплено с матерной лексикой. И в этом факте нет ни ханжества, ни страха, ни обывательского стремления быть приличным. Например, можно прекрасно знать слово *гиппотам*, понимать его, уметь назвать при соответствующих вопросах, но никогда не думать о *бегемотах* с помощью этого слова. Или можно хорошо понимать иностранный язык, ценить его красоту, но никогда не думать о мире на этом языке.

4. О разных сторонах явления

Бегло перечислю некоторые ответы 133 нефилологов.

Вопрос-1: «В каком примерно возрасте Вы впервые услышали или прочли матерные слова?»

- (1) В раннем — до школы (4–6 лет) — 17 % (23).
- (2) В младшем школьном (7–10 лет) — 53 % (70).
- (3) В среднем школьном (7–10 лет) — 20 % (26).

Вопрос-2: «От кого Вы в первый раз услышали или где впервые прочли матерные слова?»

- (1) От родителей — 6 % (8).
- (2) От сверстников — 38 % (50).
- (3) От подростков постарше — 22 % (29).
- (4) От взрослых людей (не родителей) — 19 % (25).
- (5) В Интернете — (3).
- (6) В литературе (например, в поэзии) — (1).

Вопрос-5: «В каких ситуациях Вы постараетесь не использовать матерную лексику? (Выберите любое количество ответов.)»

- (1) И так почти никогда не использую — 38 % (50).
- (2) Произнося официальную речь (например, свидетельствуя в суде или читая лекцию студентам) — 70 % (92).
- (3) При чужих людях — 38 % (50).
- (4) При людях, к которым обращаетесь на Вы, — 63 % (84).
- (5) При своих детях — 54 % (72).
- (6) При чужих детях — 65 % (87).
- (7) При женщинах — 22 % (30).
- (8) При пожилых людях — 44 % (58).
- (9) При знакомых, которым это, возможно, неприятно, — 67 % (89).

Ответы на этот вопрос интересны лишь при сравнении позиций (2)–(9) друг с другом, так как не проверено, сколько из тех 50 информантов, которые не используют мат, выбирали еще и иные позиции; не проведены и другие полезные сопоставления данных. И все же интересно, что официальная ситуация ограничивает почти так же, как сочувствие к не любящим мат знакомым, но гораздо меньше, чем чужие люди рядом. Что чужих детей берегут чуть больше, чем своих; тех, с кем на Вы, — больше, чем чужих людей. Что равноправие женщин готовы нарушить 22 % опрошенных, из которых примерно треть — женщины.

Из вопросов про терпимость к мату родителей и детей информантов в сравнении с их собственной (такими были Вопрос-13 и Вопрос-14) видно, но не очень ярко, то увеличение популярности мата, о котором сейчас часто говорят, в том числе информанты в свободных высказываниях:

• *Динамика экспансии нецензурной лексики в большие города. 30 лет назад различие лексики в городах-миллионниках и остальной России было гораздо больше.*

Но встретилось и противоположное мнение:

• *Думаю, за последние лет 10 – 15 острота матерной проблемы сильно снизилась. Я уже просто не припомню громкого мата и агрессии на улице, в транспорте и т. д.*

5. Функции мата

Вопрос-8: «Для чего Вы используете матерную лексику? (Выберите любое количество ответов.)» Ответы 133 информантов:

- (1) Для яркого выражения отрицательных эмоций – 66 % (87).
- (2) Для яркого выражения положительных эмоций – 32 % (42).
- (3) Чтобы до собеседника дошло, что он не прав (например, ругая мужа, или ребенка, или коллегу), – 17 % (22).
- (4) Это забавно, развлекает немного – 22 % (29).
- (5) Для выразительности, непринужденности речи – 46 % (60).
- (6) Просто так: привычка – 11 % (14).

Наиболее важными функциями мата для информантов оказываются психологическая разгрузка – иными словами, выражение отрицательных эмоций (ответ 1) – и коммуникативная функция, позволяющая почувствовать собеседника своим (ответ 5), то есть стратегия доверительности (Беликов, 2006, с. 11). На третьем месте – выражение положительных эмоций. Отказываются информанты выбранного среза от использования мата как инвективы и от привычки к нему. Думаю, это достаточно объективный самоанализ. Возможно, этих функций мата в речи москвичей действительно становится меньше.

Развитием Вопроса-8 были вопросы 16 и 17: информанты верифицировали предложенные им высказывания о мате – 14 одобряющих это явление утверждений и 10 – порицающих¹¹.

В свободных высказываниях информанты часто выражали отрицательное отношение к использованию мата в эксплетивной функции. Эксплетивами, или вставками, в англистике называют «конструкции, содержащие избыточные материальные элементы особого рода, функционирующие в качестве выразителей эмоций» (Лисенкова, 2010, с. 40). О существовании такой функции мата знают все русские хотя бы на основе старинного анекдота про мат в качестве артикля; эту функцию носители языка называют связками или междометной (хотя матерные вставки – это скорее частицы).

• *для кого-то это просто междометия, которые говорящий сам вообще не особо воспринимает.*

• *Когда люди вставляют матерные слова через одно в разговоре, это убого и каждый раз хочется развидеть и расслышать.*

• *Мне не нравится, когда мат заменяет все слова-паразиты.*

• *Если для связки слов – отрицательно. Если для придания речи красочности – положительно.*

¹¹ В рамках данной статьи будут обсуждаться лишь три из 14 высказываний. Прошу за это прощения у информантов, работавших с 14 и надеявшихся в ближайшее время получить анализ и этой части тоже.

Думаю, что сейчас для мата в первую очередь важны социальные функции: с одной стороны, это способ единения с друзьями и теми, кто использует его так же, как ты. С другой — это способ отталкивания: в первую очередь от тех, кто использует его «некультурно», то есть как эксплетив. Отталкивание иногда есть и от тех, кто не желает использовать мат. Так, в Вопросе-16 было утверждение: «Мне НЕ нравится, когда люди, с которыми я общаюсь, избегают матерной лексики». Это утверждение было отвергнуто 134 информантами, но все же принято 21 (13 ответили «Согласен» и 9 — «Именно так»). Обратносимметричное утверждение было в Вопросе-17 «Мне трудно с уважением относиться к людям, которые регулярно используют матерную лексику»; отрицающие мат тоже были лояльны к противоположной стороне, но в заметно меньшей степени: отвергли 93, а приняли 54 (32 «Согласен» и 22 — «Именно так»). Это понятно: легче простить того, кто не делает то, что тебе приятно, чем того, кто делает неприятное.

В. Жельвис говорит о социальной, даже социально-сакральной функции мата «сопричастность во грехе»: «...матерщинник с помощью мата к своему полному удовлетворению обнаруживает, что он и его собеседник находятся в карнавальной атмосфере всеобщей, тотальной “дерьмовости”» (Жельвис, 2022, с. 173). Примерно об этой функции я пыталась мягко говорить, когда просила верифицировать высказывание «Есть такие стороны жизни, которые без матерной лексики обсуждать (почти) невозможно». То есть в нашем социуме кое-что так безобразно, что без мата не обойтись; не знаю, поняли ли меня информанты, но это утверждение отвергли 107 человек и приняли 46 (28 «Согласен» и 18 — «Именно так») — почти треть.

Итак, социальная самоидентификация вытесняет инвективную и эксплетивную функции, а регулирующая функция эмоциональной разрядки сохраняется.

6. Отношение к запрету на мат

Вопрос-12: «Если бы это зависело от Вас, какими бы Вы сделали ограничения на использование мата?». Ответы из 182:

- (1) Запретить по возможности строго — 14 % (25).
- (2) Запретить в некоторых ситуациях — 44 % (80).
- (3) Разрешить свободно — 17 % (31).
- (4) Трудно сказать — 26 % (47).

Этот интереснейший для меня вопрос предварялся Вопросом-11 «Вопрос для тех, кто согласен с социальным запретом на мат. Почему применение матерной лексики надо ограничивать? Сформулируйте, пусть совсем начерно и небрежно, свое мнение» (96 ответов) и аналогичным Вопросом-12 для тех, кто не согласен с запретом (95 ответов). Здесь высказывания предлагали в том числе те, кто на Вопрос-12 ответил «Трудно сказать», а некоторые отвечали в обеих категориях.

Перечислю краткими ярлыками *типичные аргументы за запрет*, каждый из которых в той или иной форме встречается много раз: (1) христианство против; (2) отрицательная сакральность; вредит куль-

туре; (3) обедняет язык; (4) оскорбителен; (5) неприятен; (6) выражает агрессию; (7) знак асоциальности; (8) вреден детям; (9) потеряет выразительность в случае запрета; (10) запрет полезен для самоограничения.

Яркие высказывания:

- *Матерная лексика – это, во-первых, одна из самых сильных вещей религии, даже если я ни к одной из них не отношусь. Нет желания пользоваться сильными религиозными словами, направленными на других людей.*

- *Мат – это распушенность, которую можно противопоставить внутренней собранности, вниманию к себе, молитве, наконец.*

- *Пока мат остается чем-то табуированным, он является элементом самодисциплины (могу, но не буду использовать зазря) и способом выплеснуть бурную эмоцию вместо какой-нибудь физической вредоносной активности.*

Типичные аргументы против запрета: часть языка; нельзя ограничивать свободу слова; ничего нельзя запрещать; обезболивает; украшает речь; ярко выражает эмоции; запреты ничего не изменяют; запреты ведут к соблазну.

Яркие высказывания:

- *Мат – это жемчужина русского языка. Для выражения искренних эмоций подходят именно такие слова.*

- *Ограничение (нежелание использовать) должно быть изнутри. Ограничивать внешними запретами нет смысла.*

7. Матерная лексика на письме

Если в использовании мата устно признались 88 % от 133 информантов-нефилологов, то для письменной речи – только 52 %. Но уж если используют, то прописывая слова полностью, на обыкновение маскировать слова указали лишь 7 человек из 62. Правда, здесь, я думаю, рефлексия информантов еще менее надежна, чем в других вопросах. Так, один из интервьюируемых [нефилолог, 1982 г. р., м., январь 2024 г.] уверенно сказал, что на письме не использует мат никогда, и в качестве доказательства прошелся поисковиком по своему основному телеграм-каналу; я выразила сомнение, потому что видела его переписку, и мы выяснили, что лексика была, но информант использовал «маскировку» в виде дефиса на месте одной из букв.

Данные НКРЯ-СС скорее свидетельствуют о регулярности использования мата на письме. Так, «лексема 1» – вторая по частотности сама по себе, но первая как мотивирующая дериваты – использована более 3700 раз, а дериваты от нее – более 4000.

Появившаяся в нашем веке возможность прописывать то, что было преимущественно устным, породило новую интересную единицу – аббревиатуру *хз*. Она происходит из идиоматизированного сочетания «лексемы 1» с формой *знает* и примечательна тем, что приобрела синтаксический статус, плохо сочетающийся с ее мотивированностью, притом что, как правило, мотивированность ясна пользователям¹². Из

¹² Мне известна еще лишь одна лексема аббревиационного происхождения, приобретающая неожиданный, если исходить из мотивированности, статус предикатной. Это слово ЧСВ, родившееся из сочетания *чувство собственной важности и*,

письменного интервью: «Говорят и пишут “хз”, и, мне кажется, это можно говорить при детях, это не обязательно расшифровывать через матерное слово, можно по-разному. А еще можно сказать “я хз”, и это когда-то не так уж давно появилось, мне кажется, не всегда было. И можно сказать “я ‘лексема 1’ знает”, и я сначала чуть удивлялась, а потом мне как-то понравилось, и я так говорю все время теперь. А недавно увидела конструкцию “я ‘лексема 1’ знаю” в твиттере и офигела), но, оказывается, довольно распространено» [филолог, 1999 г. р., ж., осень 2023 г.]. Конструкция с подлежащим я есть в словаре одного слова с одним примером (А я «лексема 1» его знает, чем заняться) (Плущер-Сарно, 2005, с. 254), но вариант с первым лицом глагола в словаре отсутствует и, похоже, действительно является новообразованием, возникшим на основе аббревиатуры за XXI век. То есть устная идиома, бывшая цельным неизменяемым предикативом, происшедшим из двусоставного предложения, породила письменное сокращение, у которого начала теряться мотивированность; полустертая аббревиатура при подлежащем я стала восприниматься как первое лицо и это породило новый вариант идиомы, в котором «лексема 1» скорее выступает как частица.

Второе удивительное свойство единицы хз в том, что она может выступать в одном и том же значении и без отрицания, и с отрицанием: я хз, что делать и я не хз, что делать.

(1) *Хотя не Хз Не знаю, в чем дело* [НКРЯ-СС. Чат для художников. telegram (08.08.2021)].

(2) *blin v moej komnate 3 krovati, ja ne хз na kakoj spat'.)))* [пример из (Budennaya, Litvintseva, Yakovleva, 2023)].

«Лексема 4» — как говорилось выше, самая частотная из-за популярности в функции эксплетива — употреблена более 2800 раз в полной форме и более 3050 в редуцированной до трех букв. Пишущие в чатах на удивление охотно прописывают этот избыточный аффектив как в сжатой форме, так и в полной:

(3) *Это был зум с камерой и мне было ТАК «ЛЕКСЕМА 4» НЕЛОВКО.* [НКРЯ-СС. Чат для художников. telegram Чат для художников (07.10.2022)].

Отдельный неисследованный вопрос — «маскировка» мата на письме. Здесь скажу только, что из 104 информантов, перечисливших матерные лексемы в опроснике, разными способами¹³ замаскировали / прописали слова 69/35, при этом из 76 нефилологов — 47/29, а из 28 филологов — 22/6.

С благодарностью процитирую информанта-филолога, имеющего огромный корректорский опыт:

• ... хотела Вам рассказать, как по закону надо табуировать, например, в СМИ. Допускается только первая буква и потом три звездочки (независимо

вопреки опорному слову *чувство*, используемое в подростковой речи в том числе как оценочный предикатив, характеризующий лиц: Он – ЧСВ. См.: (Борзенко, Добрушина, 2025).

¹³ Тут я опять по недомыслию испортила опросник: предложила информантам возможную форму маскировки (буква с многоточием); в результате у меня нет достоверной статистики: по поводу 57 случаев «первая буква + троеточие» неясно, навязаны они мною или естественны для информантов.

от количества опускаемых букв): e***. Если для понимания текста необходимо знать, в какой форме, нужно написать примечание: e... (глагол прошедшего времени в форме третьего лица, единственного числа. — Примеч. ред.).

В целом думаю, что среди информантов заметно больше не использующих мат на письме, чем в НКРЯ-СС, то есть опрошенные информанты из-за возрастных и социальных характеристик сдержаннее, чем пользователи социальных сетей.

8. Словоформа *маты*

Заметное увеличение частотности этой ненормативной формы в устной речи школьников «бросилось мне в уши» в 2023 году. Форма, безусловно, просторечная, но разговорная речь нуждается в этом слове, во-первых, из-за уникальной, несистемной словообразовательной связи прилагательного *матерный* с существительным *мат*, вызывающей потребность в более естественном и понятном названии *матерной лексики*. Вторая причина в том, что неэкономно обозначать частотное явление двумя длинными словами, когда можно использовать одно короткое. Отмечу, что существует очень редкое, появляющееся лишь у лексикологов слово *матизмы*; оно родилось, видимо, на рубеже веков, в язык не вошло и носителям языка неизвестно. Поэтому форма *маты* для просторечия очень естественна, но лишь с того момента, когда соответствующая тема стала регулярно обсуждаться: на основе корпусного анализа можно предположить, что входит в язык форма начала всего лишь 40 лет назад.

Самое раннее употребление в НКРЯ относится к 1935 году, но оно скорее игровое, индивидуальное, еще не свидетельствует о появлении этой лексемы в просторечье:

(4) ...заорало благим матом (*маты*, впрочем были не только благие) перепугав до смерти и без того напуганную белку [НКРЯ, Б.И. Вронский. Дневник (1935)].

Ранний пример находится у А.И. Солженицына в рассказе «Один день Ивана Денисовича» (1961), но в нем скорее использован просторечный фразеологизм, а не самостоятельное слово: *в десять матов обкладывает*. По примерам конца 1980-х годов становится понятно, что слово начинает распространяться в просторечии и входит в разговорную речь:

(5) *Связь была неважная, и в эфире было не без матов* [Г.А. Киреев. Дневник (1986) // Киреев Г. Кандагарский дневник // Персональный сайт Г. Киреева].

С XXI века примеры становятся более распространенными: 20 употреблений в нулевых-десятих годах у разных авторов. На сайте «Кью» есть краткое обсуждение темы «Допустимо ли употребление слова “мат” во множественном числе, по отношению к ненормативной лексике?» от 2016 года: один участник скорее за, три — против, вот часть одной из реплик: «А для отдельного матерного слова в русском языке отдельного слова нету (сюрприз!). Соответственно, словоформа “маты” — просторечная».

В опроснике для 182 ответивших соотношение «слышу часто» / «слышу изредка» / «не слышу никогда» – 19 % (34) / 67 % (118) / 13 % (24). При этом 19 % (34) используют форму сами, 26 % (47) отказались трактовать ее как ненормативную.

Итак, с конца прошлого века форма *маты* становится все более частотной. Для носителей языка неочевидны термины *матерная лексика* и *матизмы*, и они попадают в ситуацию «маты есть, а слова нет». Возможно, скоро форма станет общепотребительной. Экспансия формы *маты* – еще одно свидетельство повышения употребительности мата в современной речи, понижения градуса напряжения общества в отношении этого явления.

9. Распространенная модель восприятия мата

В качестве заключения опишу значимую для современного городского социума модель отношения к мату. Она, конечно же, одна из многих, но представляется мне характерной для настоящего заметно больше, чем для прошлого, и сформировавшейся в XXI веке.

Образованный или получающий образование человек любого пола, примерно 1982–2000 г. р. (плюс-минус пять лет¹⁴), имеющий два варианта языкового поведения и легко контролирующий переключение с одного на другой. В общественном пространстве и дома при детях или при родителях он никогда не использует матерную лексику. А с близкими людьми – друзьями, определенной компанией, супругом или супругой, кем-то из психологически близких родственников – он использует мат, регулярно, но не в большом количестве, создавая языковые игры, шутки, эмоциональные контексты. Это для него значимо и как вид единения с друзьями, свидетельствующий о доверии, и как способ самопозиционирования через отстранение, во-первых, от боящихся мата обывателей, во-вторых, от тех, кто использует мат бесконтрольно, и, наконец, как выражение некоторой социальной независимости или протестности. Для него значимо, что он использует мат иначе, чем носители просторечия; он может назвать это игровой, интеллектуальной, художественной направленностью. В одиночестве в ситуации эмоционального напряжения он произнесет матерное выражение вслух или про себя; ему случается думать матом. Возможно, в возрасте примерно старших классов у него был период отказа от мата, тоже из соображений отмежевания от тех, кто глупее и не способен на самоконтроль, но затем под влиянием компании он снова стал его использовать, считая, что теперь это другой уровень. Детей он до определенного возраста оберегает от мата, чтобы у них был приемлемый имидж в социуме.

¹⁴ Границы поколений условны, размыты, но важны при исследованиях языка. Здесь и в других работах я использую разбиение на поколения социолога Вадима Радаева – единственного исследователя, применяющего теорию поколений к русскому социуму. Годами рождения 1982–2000 Радаев определяет поколение миллениалов (Радаев, 2023, с. 53).

Вот два высказывания информантов, относящихся к этому типу. Одно пространное, продуманное, возможно, с опорой на изученную литературу, и второе краткое — с отсылкой к мем-цитате:

• Частота мата позволяет отделить своих от чужих. Умные свободные молодые люди имеют богатый словарный запас, и редко, но метко используют мат. Если мат реально через каждое слово — человек глупый. Если мата нет вообще, то скорее всего человек несвободный, занудный или намеренно держит дистанцию. Когда мат употребляется впервые в диалоге, это важный шаг навстречу, показывающий доверие и переход на дружеское общение.

• Люблю, умею, практикую. При этом считаю, что уместность крайне важна.

В 2024 году образованные москвичи используют мат регулярно, хотя среди них есть значимая часть тех, кто не использует его и не думает на нем (15–25 %); чаще это люди старшего возраста или верующие, но не только. Использование матерной лексики в этом кругу — это нередко социальное явление, связанное с социальным самоопределением, часто с языковой игрой. Затем это средство эмоциональной разрядки. Инвективная, эксплетивная и номинативная функции стали малозначимыми. Сакральные, мифологические, языческие корни мата остались в многовековом прошлом. Но верующие люди нередко интуитивно чувствуют связь матерной лексики с внехристианским воздействием на человека и мир и воспринимают ее как противостоящую молитве, которая, с их точки зрения, осуществляет немоментальное, но более надежное воздействие. Неверующие люди также нередко воспринимают особую силу матерной лексики и трактуют ее как психологический эффект нарушения социально-культурного табу. Таким образом, мат остается уникальным языковым явлением, требующим от каждого способного к рефлексии носителя языка осознания своего отношения к нему с социальной, культурной и духовной точек зрения.

Список литературы

- Антонов С. В. Недурные слова. М., 2024.
- Борзенко Е. О., Добрушина Е. Р. Взаимодействие поколений при функционировании жаргонизмов, или Биография лексемы ЧСВ. 2025 (в печати).
- Беликов В. И. Границы обценного в восприятии современной городской молодежи: типологизация идиолектов // Изменения в языке и коммуникации: XXI век : сб. ст. М., 2006. С. 33–72.
- Василий Буй [Баранов А. Н., Добровольский Д. О.]. Русская заветная идиоматика. (Веселый словарь крылатых выражений.). М., 2005.
- Жельвис В. И. Матерятся все?! Роль брани в истории мировой цивилизации. М., 2022.
- Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка // Избр. труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 809–819.
- Лисенкова Н. Н. Эксплетивные элементы в языковой системе (на материале современного английского языка) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2010. №1 (177). С. 40–42.

Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. 1994. №1/2. С. 50–73.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_e_1.txt (дата обращения: 25.02.2024).

Панова Н. Ю. Культура речевого поведения как своеобразное проявление социальной жизни людей // Вестник Таганрогского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 1. С. 146–150.

Плуцер-Сарно А. Большой словарь мата. СПб., 2005. Т. 1.

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2023.

Руднев В. П. И это все о нем // Большой словарь мата. СПб., 2005. Т. 1. С. 16–34.

Успенский Б. А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Структура текста-81 : тез. симпозиума. М., 1981. С. 49–53.

Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. М., 2018. С. 195–268.

Vudennaya E., Litvintseva K., Yakovleva A. God knows how it turns out: on three constructions including Bog 'God', čert 'devil' and some taboo words in the Russian language over the last three centuries // Jazykovedný Časopis. 2023. Vol. 74, №1. P. 19–31. doi: 10.2478/jazcas-2023-0020.

Об авторе

Екатерина Роландовна Добрушина, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой славянской филологии Православного Свято-Тихоновского университета (ПСТГУ), Россия.

E-mail: edobrush@gmail.com

Для цитирования:

Добрушина Е. Р. Лингвосоциологический взгляд на восприятие ненормативной лексики в Москве 2024 года // Слово.ру: балтийский акцент. 2024, Т. 15, №4. С. 99–117. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-7.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

LINGUISTIC AND SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE ON THE PERCEPTION OF PROFANITY IN MOSCOW IN 2024

Ekaterina R. Dobrushina

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow

Submitted on 10.03.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-7

The article presents the findings of a study on the attitudes toward profanity among Muscovites born between 1962 and 2011, all from families with higher education backgrounds. The research explores how respondents understand the term 'mat,' their views on societal restrictions regarding profanity, self-assessed frequency of using profanities and purposes for it, as well as the evolution of the attitudes toward profanity over different life stages. The study is based on the analysis of 20 interviews and 182 questionnaire responses. It also

offers a concise overview of scholarly and lexicographical interpretations of the term 'mat'. The author proposes her own definition of profanity, distinguishing it from other forms of obscene language. Preliminary statistical insights are presented. For example, 26 % of the respondents report rarely or never using 'mat' (excluding quotations), with 23 respondents claiming they have never used it. 14 % of the respondents identify themselves as frequent users, while 60 % admit to using it occasionally or only in specific social settings. Many respondents believe that profanity is used to some extent by everyone. However, a significant portion express discomfort when it is used simply to fill pauses in conversation. 35 % of the respondents admit to using obscene language in the presence of children, while 10 % more people are likely to limit its use with strangers compared to close friends or acquaintances. Opinions on profanity regulation vary, with 14 % supporting a strict ban, 44 % supporting a ban in specific situations, and 17 % advocating complete freedom to use profanities. In conclusion, the author offers a model for the perception of profanity: its infrequent, primarily oral speech use, restricted to private settings or among close acquaintances of either gender, but generally avoided in the presence of children. Profanity is used indirectly, not in an invective manner, and serves two main functions: psychological release and as a form of expressive or entertaining speech.

Keywords: Russian language, obscene vocabulary, curses, expressive words, linguosociology, corpus linguistics

References

- Antonov, S. V., 2024. *Nedurnye slova* [Not bad words]. Moscow (in Russ.).
- Belikov, V. I., 2006. The boundaries of the obscene in the perception of modern urban youth: typologization of idiolects In: *Izmeneniya v yazyke i kommunikatsii: XXI vek. Sbornik statei* [Changes in language and communication: the XXI century: a collection of articles]. Moscow, pp. 33–72 (in Russ.).
- Borzenko, E. O. and Dobrushina, E. R., 2025. *Vzaimodeistvie pokolenii pri funktsionirovani zhargonizmov, ili Biografiya leksemy ChSV* [The interaction of generations in the functioning of jargonisms, or the Biography of the lexeme of ChSV]. In print (in Russ.).
- Budennaya, E., Litvintseva, K. and Yakovleva, A., 2023. God knows how it turns out: on three constructions including Bog 'God', čert 'devil' and some taboo words in the Russian language over the last three centuries. *Jazykovedny Casopis*, 74 (1), pp. 19–31, <https://doi.org/10.2478/jazcas-2023-0020>.
- Bui, V. [Baranov, A. N. and Dobrovol'skii, D. O.], 2005. *Russkaya zavetnaya idiomatika. (Veselyi slovar' krylatykh vyrazhenii.)* [The Russian cherished idiom. (A hilarious dictionary of catch phrases.)]. Moscow (in Russ.).
- Levin, Yu. I., 1998. About the full expressions of the Russian language. In: *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow, pp. 809–819 (in Russ.).
- Lisenkova, N. N., 2010. Expletive elements in the language system (based on the material of modern English). *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"], 1 (177), pp. 40–42 (in Russ.).
- Mokienko, V. M., 1994. Russian swear words: censored and obscene. *Rusistika* [Russian studies], 1/2, pp. 50–73 (in Russ.).
- Ozhegov, S. I. and Shvedova, N. Yu., 1992. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegov_e_1.txt [Accessed 25 February 2024] (in Russ.).
- Panova, N. Yu., 2008. The culture of speech behavior as a peculiar manifestation of people's social life. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Taganrog State Pedagogical University], 1, pp. 146–150 (in Russ.).

Plutser-Sarno, A., 2005. *Bol'shoi slovar' mata* [The Big mat dictionary]. Vol. 1. St. Petersburg (in Russ.).

Radaev, V. V., 2023. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow (in Russ.).

Rudnev, V. P., 2005. And that's all about him. In: *Bol'shoi slovar' mata* [The Big mat dictionary]. Vol. 1. St. Petersburg, pp. 16–34 (in Russ.).

Uspenskii, B. A., 2018. The Mythological aspect of Russian expressive phraseology. In: *Issledovaniya po russkoi literature, fol'kloru i mifologii* [Research on Russian literature, folklore and mythology]. Moscow, pp. 195–268 (in Russ.).

Uspensky, B. A., 1981. The Religious and mythological aspect of Russian expressive phraseology. In: *Struktura teksta-81: tezisy simpoziuma* [Text structure-81: abstracts of the symposium]. Moscow, pp. 49–53 (in Russ.).

Zhel'vis, V. I., 2022. *Materyatsya vse?! Rol' brani v istorii mirovoi tsivilizatsii* [Is everyone swearing?! The role of armor in the history of world civilization]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr. Ekaterina R. Dobrushina, Associate Professor, Head of the Department of Slavic Philology, St. Tikhon's Orthodox University (PSTGU), Russia.

E-mail: edobrush@gmail.com

To cite this article:

Dobrushina, E. R., 2024, Linguistic and sociological perspective on the perception of profanity in Moscow in 2024, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 99–117. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-7.

